

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ: ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

О методологических основаниях русской исторической школы: историософские аспекты.

Часть II*

Ю. А. ВАСИЛЬЕВ

(МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)**

On Methodological Bases of the Russian Historical School: Historiosophical Aspects.

Part II

YU. A. VASILIEV

(MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES)

Методологическое основание исследований С. М. Соловьева, автора «Истории России с древнейших времен», — *рационализм*. В его построениях, в духе времени, история превращена в науку. По образной и емкой характеристике Ключевского, «Соловьев не закапывался в свою специальность. В этом отношении он — поучительный образец, особенно для занимающихся отечественной историей, между которыми часто проявляется склонность уединяться в своей цеховой келье. Первый мастер своего дела, Соловьев хранил в себе хорошие свойства ученых старого времени, когда научные

специальности еще не расходились между собою так далеко, как разошлись они теперь» (Ключевский, 1991а: 527).

В период обучения за границей в 1842–1844 гг. Соловьев посещал Берлинский университет, Сорбонну в Париже, знакомился с состоянием науки на Западе. Он изучил важнейшие труды западноевропейских мыслителей, среди которых особо выделял французского историка Франсуа Гизо, философию истории итальянского философа и историографа Джамбаттиста Вико.

В числе основных методологических оснований трудов Соловьева выделим следующие.

* Окончание. Часть I в № 1 за 2009 г.

** Васильев Юрий Альбертович — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории Московского гуманитарного университета. Тел.: (495) 374-55-81. Эл. адрес: vasmarr@orc.ru

1. *Причинная обусловленность всех явлений.* Соловьев последовательно прослеживал связь исторического прогресса с развитием рациональных основ человеческого бытия. Связь явлений, последовательность исторического развития, общие закономерности — все это Соловьев называл термином «историчность».

Основываясь на ключевой основе рационализма — признании проявления в истории божьего промысла, в человеческой истории выделялось действие разумной первопричины мира — Бога.

Обобщение фактов у Соловьева основано на исторических идеях, их объяснявших. Общие исторические идеи, представленные в виде широких обобщений и сопоставлений, основывались на положениях о естественности (объективности) и необходимости исторических явлений, о закономерности в истории, параллели между личной, индивидуальной и массовой народной жизнью.

Проведя историческую реконструкцию прошлого, Соловьев высказался решительно против искусственного деления российской истории, возражал против названий одного периода удельным, другого монгольским, дающих, по его мнению, неверное понятие о характере времени или разрывающих естественную связь событий, «естественное развитие общества из самого себя». Обязанность историка, как понимал ее автор, заключалась в требовании не делить, не дробить русскую историю на отдельные части, периоды, но соединять их, следить преимущественно за связью явлений, за непосредственной преемственностью форм; не разделять начал, но рассматривать их во взаимодействии, стараться объяснить каждое явление из внутренних причин, прежде чем выделить его из общей связи событий и подчинить внешнему влиянию (Соловьев, 1997а: 8). В данной формуле выражалась преемственность политических и общественных форм.

Причинная связь исторических явлений и событий, преемственность способствовали соединению событий в одно целое. Выявляя

связь между явлениями, Соловьев подошел к рассмотрению русской истории как единого и закономерного процесса развития от родового строя к торжеству государственных отношений. Он признавал наличие объективных закономерностей исторического процесса, возможность их изучения и анализа.

Изучение явлений в отечественной истории осуществлялось с учетом наличия общих законов, правящих жизнью человечества, коренных оснований, на которых строятся социальные общества. В подходе исследователя все народы в своем развитии проходят одни и те же этапы, согласно общим законам развития (различие проявляется в условиях, ускоряющих или замедляющих развитие). Народ немислим без государства: только в государстве он обретает способность к прогрессу. Высшая цель исторического развития определялась как достижение идеалов справедливости и добра.

В отличие от Карамзина, Соловьев рассматривал деятельность Ивана Грозного как период окончательного торжества государственных отношений. Он отнюдь не идеализировал царя, отмечал его жестокость, но не сводил все к личным качествам самодержца, к его болезненной психике. В опричнине он видел разгром боярства как реальное проявление борьбы старого и нового, как историческую необходимость и закономерность. Преобразования Петра I, определяемые в качестве «революции в начале XVIII века», предлагалось оценивать как естественный и необходимый переход народа в другое качественное состояние, «возраст» (т. е. «сильное умственное движение в нем», когда господствует не чувство, а мысль). Переход народа из одного возраста в другой, по Соловьеву, происходил в соответствии с общими законами развития для всех европейских народов. Он утверждал о наличии предпосылок петровской модернизации («необходимом следствии всей предшествовавшей нашей истории»), сложившихся к периоду начала реформ: одолев врагов с востока, государство обратило взоры на запад, после

многовекового движения на восток русский народ начал поворачивать на запад. Сам Петр I оценивается как вождь в деле, а не создатель дела («переворота»), народного по своему содержанию (См.: Соловьев, 1997b: 493, 495; 1993: 14–17; 1999a: 16, 17, 50).

2. *Достижение истины, обладающей универсальной общезначимостью.* Рационализм признает достижимость объективного, всеобщего знания посредством разума. Новизна исследования Соловьева проявилась в побуждении исторического мышления не только узнать новое, но понять познаваемое. Его рассуждения построены на анализе условий исторической жизни народов. Выделяются три определяющих условия в жизни народа: природа страны, где он живет; природа племени, к которому он принадлежит; внешний фактор: ход внешних событий, влияния, идущие от народов, которые его окружают. Развитие событий, по Соловьеву, постоянно подчиняется природным условиям. Природа оценивалась как мачеха для русского человека, в отличие от благоприятных и выгодных природных условий на Западе: природа для народов Западной Европы признавалась матерью (См.: Соловьев, 1999a: 542; 1993: 7, 8). Изучение условий и сил человеческого общества позволило исследовать механизм человеческого общежития. Однообразие природных форм побуждало народонаселение к однообразным занятиям, однообразие занятий порождала однообразие в обычаях, нравах, верованиях; единство нравов, обычаев и верований исключало враждебные столкновения; единые потребности вызывали одинаковые средства к их удовлетворению. Расширение государственной области происходило преимущественно посредством колонизации.

Особое внимание обращалось на общественную психологию. В этой связи определяющий характер придавался природно-климатическому фактору в истории по влиянию, какое она оказывала на формирование характера народа. Суровость и скупость природы требовала постоянного и нелегкого труда со стороны русского человека, держа-

ла его всегда в напряженном состоянии: его деятельность не отличалась порывистостью, ему постоянно приходилось работать умом, неуклонно стремиться к своей цели. Народонаселение с таким характером, считал Соловьев, способно установить крепкие основы государственного быта. Характер народа деятельного, занятого, практического отличался большей тягой к полезному, нежели к приятному, общественные удовольствия имели материальное выражение, что приводило к еще большей суровости нравов (Соловьев, 1997a: 34).

Предмет специального исторического исследования Соловьева — генезис и развитие политических форм и социальных отношений, политика и право. Рассматриваются преемственность политических форм, происхождение и эволюция сословного деления общества. Научное творчество исследователя представляется как историко-философская формула политического и социального развития России.

Генетическое изучение форм и отношений государственного и общественного быта России было для его времени новым направлением, к которому еще не привыкли. В трудах Соловьева на первый план выходил анализ отношений. Историко-философская основа исторического описания создавала феномен, когда за повествователем явственно, но ненавязчиво скрывался мыслитель (См.: Ключевский, 1991a: 503–504, 526).

Исследователь проследил эволюцию родовых отношений князей, на которых был основан порядок владения землей как достояние своего рода. В процессе эволюции происходило формирование понятия об отдельной собственности — о княжестве как собственности князя.

Впервые была высказана мысль о политическом значении новых городов, возникших в Северной Руси XII в., среди которых сложилось понятие об отдельной княжеской собственности, об уделе, сменившее прежний порядок владельческих отношений между князьями, основанный на понятии об общности, нераздельности владения. Поня-

тие об отдельной собственности появилось на Севере вследствие преобладания там новых городов, основанных удельным князем, которые рассматривались в качестве его собственности.

Понятие об отдельной собственности включало родовое единство. Восприятие княжества как отдельной собственности князя послужило, по Соловьеву, мостиком, через который совершился указанный переход от одного порядка к другому. Таким образом, исторические факты оказались на прочном методологическом фундаменте концепции постепенного перехода родовых отношений между князьями, служивших первоначальным основанием порядка княжеского владения, в отношения государственные (См.: Соловьев, 1998: 345; Ключевский, 1991а: 504–505). В отечественной исторической литературе это был первый опыт, имевший целью вывести из одного начала и изобразить в виде непрерывного, последовательного процесса ряд форм политического быта, сменившихся в России с половины IX до конца XVI в.

Объяснение процесса оформления крепостного права в России имело рациональную основу. По Соловьеву, неудачное географическое положение стало причиной непрестанной оборонительной борьбы с соседями, необходимости отстаивать государственную независимость. Последнее обстоятельство потребовало содержания войска, вооруженного сословия. Отсутствие средств у государства для содержания служилых людей привело к раздаче земли. Необходимость обеспечения землевладельцев постоянными работниками вызвало прикрепление крестьян, запрещение крестьянам уходить от хозяина, чтобы прокормить государевых служилых слуг, чтобы они всегда были готовы к выступлению в поход. Прикрепление крестьян, таким образом, есть «воплъ отчаяния, испущенный государством, находящимся в безвыходном экономическом положении». В указанной рациональной схеме отводилось место объяснению о необходимости оплаты податей не только сельским, но и го-

родским населением — опять же с целью содержания войска (Соловьев, 1999b: 21–23).

В. О. Ключевский, автор «Курса русской истории», осуществил разработку *синтетического подхода*, основанного на полифакторном методе и использовании достижений других общественных наук. По методологическому и аналитическому уровню исследований ни один представитель русской исторической школы не может сравниться с Ключевским. Его научный подход актуален сегодня, однако не востребован в должной мере. Над именем великого русского историка по-прежнему довлеют мифы, созданные в период господства «методологии марксизма-ленинизма», когда Ключевский был объявлен как «буржуазный русский историк» (Р. А. Киреева, А. А. Зимин), «крупный представитель буржуазно-помещичьей исторической науки» (Л. В. Черепнин), ему приписывались обвинения в «очевидности буржуазной ограниченности исторических воззрений» (М. В. Нечкина), он подвергался критике за «эклектическое сочетание экономических, социальных, политических сил», «методологическую порочность буржуазной историографии, ее бессилие в построении обобщающих концепций исторического процесса» (См.: Ключевский, 1983е: 9, 371; Черепнин, 1984: 90).

Основные подходы Ключевского заключались в следующем.

1. *Материалистическое понимание истории*. В числе основных (господствующих) факторов в истории, наряду с политическим, утверждался экономический фактор. Видение исторического процесса не ограничивалось событийной историей, исследователя интересовали явления истории народного хозяйства, управления, общественного строя. Как отмечал известный российский экономист и публицист П. Б. Струве, «к числу тех историков XIX века, которые совершенно самостоятельно, по-видимому помимо каких-либо прямых, книжных или «идеологических» влияний, действием собственного углубленного изучения фактов и собственной интуицией пришли к признанию важности «эконо-

мического» фактора в процессе социального развития, принадлежит и В. О. Ключевский. Про свое поколение я смело могу сказать, что экономическому объяснению истории оно училось не только из «Капитала» Маркса, но и из «Боярской думы» Ключевского, где влияние хозяйственных сил и побуждений на социальную эволюцию русского допетровского общества было изображено с такой классической пластичностью, которую никогда не располагал Маркс» (Струве, 1952: 332).

История России определялась как история страны, которая колонизируется. Колонизация (переселение) называлась основным фактом истории страны. В основе колонизации как явления русской истории, по Ключевскому, лежал экономический и хозяйственный фактор. В данном подходе выдержана периодизация: Русь городская, торговая (Днепровская), вольно-земледельческая (верхневолжская, удельно-княжеская), военно-земледельческая (Русь Великая, Московская, царско-боярская), период крепостного хозяйства, земледельческого и фабрично-заводского (всероссийский, императорско-дворянский период).

Особенности великорусского хозяйства, создавшиеся под влиянием природы страны, проявлялись в следующих особенностях: 1) разбросанность населения, господство мелких поселков, деревень; 2) незначительность подворных пахотных участков; 3) подвижный характер хлебопашества; 4) развитие мелких сельских промыслов, усиленная разработка лесных, речных и других угодий.

Объяснение крепостного права представлено на основе экономического и юридического подходов. По Ключевскому, крепостная зависимость, обусловленная экономической задолженностью крестьян землевладельцам, первоначально прошла как эволюция отношения частных лиц. Государство оформило их законодательно.

2. Влияние внешних и внутренних факторов на исторический процесс, соотношение общего и особенного. Помимо экономического (хозяйственного) фактора выделялись

политический, социальный, географический, этнический, религиозный. Особое влияние отводилось природно-климатическим и географическим условиям. Кроме природы значимое место отводилось «человеческому общежитию» — обществу, человеческой индивидуальности. Политическим идеалом воспринималось правовое государство.

Поставленный Ключевским вопрос об отношении России к Западной Европе, западноевропейского влияния на русскую историю поставлен на новую методологическую основу: с нравственной (как у Карамзина) — на социологическую и философско-историческую. Об интересе Ключевского к расширению методологической основы исторических исследований свидетельствуют строки из его стихотворения начала 1870-х годов: «Вы, философ, дайте руки! Не угодно ли к нам сюда?» (Ключевский, 1983e: 324).

Изучение западноевропейского влияния на Россию в послепетровскую эпоху определялось Ключевским как «капитальный вопрос» общественной жизни страны начиная с конца XVII века. Он оценивал данное влияние после Петра I как более сильное и широкое, чем не только до него, но и при нем самом (Ключевский, 1983d: 351).

Суть рассуждений исследователя в данном теоретическом вопросе сводится к следующему. Дело не в реформе Петра, основанной на заимствовании западного опыта, и не в антихристе, как нередко называли реформатора, а в общих законах исторического развития. России пришлось жить общей жизнью с Западной Европой: общение с ней — факт исторической необходимости, западная культура есть высшая форма человеческого развития, быть культурным человеком или народом — значит усвоить передовую культуру Западной Европы. Но возникает вопрос: нужно ли при этом незападноевропейскому народу копировать формы западноевропейского культурного общежития и для этого повторять все процессы и переломы политические, социальные, умственные и нравственные, какие пережила и переживает Западная Европа, вы-

рабатывая свою культуру? Жить общей жизнью, значит ли жить одной жизнью? Вот в чем вопрос, на который одни отвечают утвердительно, другие — отрицательно. Процесс восприятия образцов западноевропейской цивилизации связан с их адаптацией в российских условиях, на российской почве. Очевидно, что речь идет об историческом процессе, об общих условиях исторического развития, о законах исторического движения, а изучением этих законов, условий действия исторических сил, движущих людское общество, занимается социология как наука (Ключевский, 1983с: 359). Союз историков с социологами и философами подразумевался как возможность конструктивного освоения нового знания на основе использования философской и социологической методологии.

В качестве примера историософской интерпретации Ключевским научного материала можно привести его анализ процесса освоения русским обществом элементов западной цивилизации. В способе освоения выделяется, по терминологии Ключевского, три неправильности: 1. Общечеловеческие элементы западной цивилизации осваивались не только в порядке, обратном их причинной связи и исторической последовательности, но и с напряжением и успехом, обратно пропорциональным трудности и важности этих элементов: сначала (и успешнее всего) *удобства*, потом (и с меньшим успехом) — *мастерства*, после всего (и с наименьшей охотой и удачей) — *знания*. 2. Вместе с общечеловеческими элементами осваивались также местные национальные, притом в разное время усиленнее заимствовались различные элементы: в XVII в. и при Петре — преимущественно технические средства и удобства, после Петра и до конца XVIII в. — преимущественно увеселения, украшения, обычаи светского общежития, нравы, вкусы, чувства, в XIX в. — понятия, знания, законы, учреждения, убеждения. 3. Пытались распределить процесс освоения различных элементов западной цивилизации между разными слоями русского общества.

Высшие слои общества, наиболее зажиточные и заинтересованные, брали на свою долю преимущественно плоды просвещения, а также передовые, наиболее подготовленные для потребления результаты цивилизации. Ученые разночинцы и дворяне-вольтерьянцы второй половины XVIII в. проявили склонность к философии и искусству. Элита общества хотела стать только потребителем плодов цивилизации, с тем чтобы другие были только ее производителями. Цвет общества хотел сделать своей специальной образовательной задачей потребление, эстетику образования, предоставив средним классам труд, технику просвещения. «Нам — гостиня цивилизации, вам — кухня», — говорил просвещенный дворянин XVIII в. ученому разночинцу.

Из сформулированных Карамзиным «неправильностей» родились два «неудобства», ощутимо сказывавшиеся на российской духовной жизни в XVIII и XIX столетиях: 1. Заимствуемая цивилизация оставалась без адаптации к домашним условиям и традициям, не вышла за рамки весьма ограниченного общественного круга, имевшего средства выписывать или вывозить ее из-за границы. В результате, с одной стороны, поддерживалась зависимость от Западной Европы, заставлявшая обновлять заимствуемый культурный запас все новыми и новыми заимствованиями, не делая в него собственных вкладов; с другой, подпитывалось духовное бездействие, приучая искать готовое, без собственного труда, то есть жить чужим умом. Перечисленное, по Ключевскому, явилось следствием первой и третьей «неправильности», из-за чего надолго установилось неправильное отношение к западноевропейской цивилизации. 2. Вторая из указанных выше «неправильностей» произвела раскол в преемственности духовной жизни русского общества, или разрыв между древней и новой Россией, как было принято выражаться. Усваивая механически и бездумно чужой быт и чужой духовный опыт, одни просто отказывались от собственных традиций как тяжелого пережитка темной стари-

ны, не развивая и не улучшая его в меру новых потребностей и новых образовательных средств; другие, не решившись на такой перелом, с адекватной враждой отнеслись ко всему заимствуемому и еще крепче уцепились за отживавшую старину, тоже не обновляя и не улучшая ее, со староверческой косностью поддерживая обветшалые обычаи и предания. Так из древней и новой России вышли не два смежных периода отечественной истории, а два враждебных уклада и направления общественной жизни, разделившие русское общество на отдельные части и обратившие их на борьбу друг с другом вместо того, чтобы заставить их дружно бороться с трудностями своего положения. Старое получило значение национального, самобытного, *русского*, новое — значение иноземного, чужого, *немецкого* (Ключевский, 1983с: 362–363).

3. *Человеческая личность, «людское общество» как основные исторические силы.* В качестве главных движущих сил истории выделялись человеческая личность и, по его терминологии, людское общество. Понятием «историческое движение» определялось последовательное изменение форм и начал общежития, последовательные ступени человеческого развития. Значение народа связывалось с его историческим призванием. Историческая закономерность, по мнению Ключевского, состоит не в отсутствии сознательности и не в стихийности жизни (Ключевский, 1991с: 556).

В историософском аспекте представляю интерес рассуждения исследователя по поводу соотношения между научно-историческим знанием и общественным сознанием, причем как в ретроспективном методе, так и в отношении современности. Ключевский констатировал состояние российского общества второй половины XIX века, по многим приметам напоминающее сегодняшний день. Столетие назад, в 1902 г. он отмечал: русская история не занимает особенно видного места в ряду умственных интересов русского образованного общества. Интерес к ней посредственный, живой, но сдержан-

ный, ближе к недоумению, чем к равнодушию: источник его в естественном любопытстве ко всему родному, отечественному, в том числе и к отечественной истории, но без отчетливой мысли, на что бы еще она могла понадобиться. Такое отношение объясняется различными причинами, заключающимися как в характере русской истории, так и в состоянии русского общества, а также в некоторых общих условиях, независимых ни от русской истории, ни от русского общества (Ключевский, 1983b: 364).

По его мнению, здесь прежде всего имеет значение интеллектуальный разрыв между научно-историческим знанием и общественным сознанием. Чтобы проникнуть в общественное сознание и в нем укрепиться, научно-историческая идея должна соединиться с умственными или практическими потребностями общества, найти себе место в ряду средств, к которым оно обращается для разрешения занимающих умы вопросов или ставших на очередь житейских задач. Подобное соединение возможно при двух условиях: а) если идея получила разработку, приспособленную к обычным способам усвоения идей общественным сознанием; б) если само общество подготовлено к историческому размышлению как практически полезному средству общежития. Но оба эти условия не всегда бывают в наличии — второе нередко отсутствует даже при наличии первого. Мысль об истории как руководительнице жизни высказана очень давно и довольно распространена, но она чаще появляется в обороте мнений как хорошая сентенция, чем применяется в житейском обиходе как испытанное правило. По оценке Ключевского, привычные способы обращения к истории за практическими указаниями скорее укрепляют сомнение в ее пользе, чем учат правильно ею пользоваться: так, в спорах оба противника нередко с успехом подбирают примеры из истории для оправдания тенденций, непримиримых не только друг с другом, но и с здравым рассудком. Благодаря этому историческая отрасль знания служит в большей степени средством для пополне-

ния или исправления общего мирозерцания отдельных мыслящих умов, чем руководством для практического устройства общественной жизни.

Но бывают моменты, когда в обществе обнаруживается усиленная потребность к историческим справкам, пробуждается интерес к прошлому — более серьезный, чем обычное любопытство к делам минувших дней. В таком случае, чтобы выяснить связь и характер текущих явлений общественной жизни, начинают изучать, откуда эти явления пошли и к чему могут привести. Когда, например, в обществе проявляются тенденции, связанные с колебанием и расстройством общественной жизни, обнаруживаются противоречия и затруднения, которые прежде не ощущались, — это значит, что условия жизни начали приходить в новое состояние: наступил перелом, стало складываться новое качество. Тогда рождается потребность овладеть новым процессом, получившим неудобное самопроизвольное направление «в силу вещей», как принято выражаться о явлениях, возникающих без участия чьей-либо сознательной воли. Чтобы освободить свою жизнь от подобного стихийного характера и дать разумное направление складывающейся новой комбинации отношений, люди стараются выяснить цель, к которой эту комбинацию желательно было бы направить. Цель обыкновенно складывается из совокупности интересов, господствующих в данную минуту.

Логическая потребность в целесообразности обращает умы общества к прошлому, в котором ищут и исторического оправдания вновь появившимся интересам, и практических указаний по поводу средств достижения намеченной цели. Люди нередко сбиваются с прямого пути, недостаточно часто оглядываясь назад. Но они начинают усиленно оглядываться назад, чтобы вернуться к потерянному направлению, когда другие признаки, обыкновенно неудобства отклонений от пути, не дадут им почувствовать, что они сбились с прямого. В усилении исторической любознательности всегда можно видеть симптом

пробудившейся потребности общественного сознания ориентироваться в новом положении, создавшемся помимо его или при слабом его участии, а это пробуждение в свою очередь свидетельствует, что новое положение уже достаточно упрочилось и раскрылось, чтобы дать почувствовать свой характер и свои последствия. Общественное сознание тем и отличается от личного, что последнее обыкновенно идет от установленных причин к возможным последствиям, а первое, наоборот, расположено от данных последствий восходить к искомым причинам (См.: Ключевский, 1983b: 364–366; 1991c: 551).

Продолжив, вслед за Соловьевым, разработку историко-психологического направления в истории, Ключевский оформил систему изучения *общественной психологии* в историческом исследовании. В качестве важных факторов исторического развития рассматривались мотивационные особенности людей, социальных групп, общества. Ключевский дал социально-психологическую характеристику «племенного характера великоросса».

Выделим основные черты в указанной характеристике: привычка к терпеливой борьбе с невзгодами и лишениями, непритязательность, выносливость, незначительность ожиданий от природы и судьбы. Проявление собственной отваги как склонность дразнить счастье, играть в удачу — великорусский «авось». Природно-климатические и хозяйственные факторы заставляли великорусского крестьянина спешить, усиленно работать, чтобы сделать максимум в короткое время (вырастить и убрать урожай, а затем оставаться без дела осень и зиму). Так великоросс приучился к чрезмерному кратковременному напряжению своих сил, привыкал работать быстро, а потом отдыхать в продолжение вынужденного осеннего и зимнего безделья. Ни один народ в Европе не способен к такому напряжению труда на короткое время, какое может развить великоросс. Но нигде в Европе нет такой привычки к ровному, умеренному и размеренному постоянному труду, как в России.

Великоросс боролся с природой в одиночку, в глуши леса с топором в руке. Это была молчаливая черная работа над внешней природой, над лесом или диким полем, а не над собой и обществом, не над своими чувствами и отношениями к людям. Потому великоросс лучше работал один, когда на него никто не смотрит, и с трудом привыкал к дружному действию общими силами. Он вообще замкнут и осторожен, даже робок, вечно себе на уме, необщителен, лучше сам с собой, чем на людях, лучше в начале дела, когда еще не уверен в себе и в успехе, и хуже в конце, когда уже добьется некоторого успеха и привлечет внимание: неуверенность в себе возбуждала его силы, а успех ослаблял их. Ему легче было одолеть препятствие, опасность, неудачу, чем с тактом и достоинством выдержать успех; легче сделать великое, чем освоиться с мыслью о своем величии. Он принадлежит к тому типу умных людей, которые глупеют от признания своего ума.

Невозможность рассчитать будущее, заранее составить план действий и прямо идти к намеченной цели заметно отразилась на складе ума великоросса, на манере его мышления. Житейские невзгоды и случайности приучили его больше обсуждать пройденный путь, чем осмысливать дальнейший, больше оглядываться назад, чем заглядывать вперед. Великоросс научился больше замечать следствия, чем ставить цели, воспитал в себе умение подводить итоги. Это умение называлось «задним умом». Поговорка «русский человек задним умом крепок» вполне принадлежит великороссу. Но задний ум не то же, что «задняя мысль». Своей привычкой колебаться и лавировать между неровностями пути и случайностями жизни великоросс часто производил впечатление непрямоты, неискренности. Великоросс часто думал на двоє, и это казалось двоедушием. Он всегда шел к прямой цели, хотя часто и недостаточно обдуманной, но продвигался, оглядываясь по сторонам, и потому походка его казалась уклончивой и колеблющейся, он привык выходить на прямую дорогу окольными путями (Ключевский, 2006: 99–102).

* * *

Можно утверждать, что эволюция методологических основ русской исторической школы в XIX веке шла соразмерно развитию интеллектуальной мысли в Западной Европе, а в некоторых направлениях ее опережала.

Интерпретация истории, характерная для исследований С. М. Соловьева, и особенно В. О. Ключевского, нашла отражение в работах представителей знаменитой французской исторической школы «Анналов», сложившейся в 30–40-е годы XX века, которая предложила отказаться от «рассказывающей истории» в пользу истории-интерпретации. Основоположники школы «Анналов» Люсьен Февр и Марк Блок выдвинули в противовес позитивистам концепцию исследовательской деятельности историка: не ограничиваться коллекционированием фактов, не следовать за источником, а представлять себя творцом: требовалось умение поставить научную проблему, осуществить отбор материалов в соответствии с методологией исследования.

Развитие тезиса Ключевского о том, что историк изучает природу общежития, а моралист судит людей, обнаруживается в установках представителей школы «Анналов». М. Блок сформулировал главную задачу истории, как «понять» выше задачи «судить», поскольку привычка судить в конце концов отбивает охоту объяснять. Л. Февр дополнил данную формулировку: нужно уметь мыслить (Блок, 1973: 77; Февр, 1991: 38).

Историко-экономическое направление школы «Анналов», выраженное в концепции «мир-экономики» Фернана Броделя, приоритет экономического фактора и материальной культуры соответствовали духу материалистического понимания истории Ключевского. Обращение к человеку и его деятельности как важному предмету исторической науки у представителей школы «Анналов» (М. Блок) также уже разрабатывалось Ключевским в его концептуальных положениях о человеческой личности и «людском обществе» как исторических силах, человеческом общежитии.

Школа «Анналов» утверждала невозможность единого подхода к истории, отражающего единственно верную историческую теорию, способную раскрыть многообразный мир истории, который не поддается объяснению никакими едиными схемами и моделями развития. Ни одна, даже самая передовая теория, не в состоянии охватить и объяснить весь многогранный исторический опыт людей и всего человечества. В ответ на критику по поводу эклектизма Л. Февр утверждал: если под теоретическим эклектизмом, якобы присущим историкам, подразумевается «отыскание идей в разных местах, то я с радостью признаюсь в том, что я эклектик. Быть открытым новым идеям, откуда бы они ни исходили, и быть способным применить их к определенным собственным целям, найти способ проверить их обоснованность — вот отличительная черта и хорошего историка, и хорошего теоретика» (Февр, 1991: 96). Отметим, что намного раньше, еще в начале XX века Н. И. Кареев заявил о приемлемости в науке эклектического синтеза, исключаящего приверженность к идеологии (Кареев, 1913: 24).

Школа «Анналов», в сравнении с русской исторической школой, в ряде направлений ей проигрывала. Она ориентировалась на избирательный подход к изучению исторических фактов. Если Ключевский считал конструктивным явлением, когда мысль и труд исследователя русской исторической школы чаще обращается к явлениям истории последних столетий (Ключевский, 1991с: 557), то у «анналистов» история современности, политическая история оказались вне предмета исследований: абстрагироваться от политических и идеологических течений было бы невозможно. Они сознательно уходили от изучения идеологии и политики.

Указанная школа не допускала в предмет исследования мотивы поведения людей. Общественное сознание, которое представители школы «Анналов» окрестили ментальностями, давно уже было известно под названием общественной психологии. При-

мером автора таких исследований являлся Ключевский.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Блок, М. (1973) Апология истории (или ремесло историка). М.
- Карамзин, Н. М. (1964) Избранные сочинения. М.; Л. Ч. 2, 3.
- Карамзин, Н. М. (1983) Письма русского путешественника. М.
- Кареев, Н. (1916) Историка (Теория исторического знания). 2-е изд. Пг.
- Кареев, Н. (1913) Теория исторического знания. СПб.
- Карр, Эдвард (1969) История и факты // Современные тенденции в буржуазной философии и методологии истории. М.
- Ключевский, В. О. (1983а) В. Н. Татищев // Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. М., С. 124–129.
- Ключевский, В. О. (1983b) Из рукописного архива. Введение в курс лекций по русской историографии 2-й половины XIX века // Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. М., С. 364–366.
- Ключевский, В. О. (1983с) Из рукописного архива. Древняя и новая Россия // Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. М., С. 355–363.
- Ключевский, В. О. (1983d) Из рукописного архива. Материалы к курсу «Западное влияние в России после Петра» // Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. М., С. 11–112, 349–355.
- Ключевский, В. О. (1991а) Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М.
- Ключевский, В. О. (1983е) Неопубликованные произведения. М.
- Ключевский, В. О. (1991b) Н. М. Карамзин // Ключевский В. О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М., С. 488–490.
- Ключевский, В. О. (1983f) Н. М. Карамзин // Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. М., С. 133–137.
- Ключевский, В. О. (1991с) Русская историография. 1861–1893 гг. // Ключевский В. О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М., С. 551–558.

- Ключевский, В. О. (2006) Русская история. М.
- Кувакин, В. А. (2005) Ленин: эффект неразорвавшейся бомбы // Вестник РФО. № 1.
- Ломоносов, М. В. (2007а) Древняя российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава первого, или до 1054 года // Ломоносов М. В. Записки по русской истории. М., С. 25–128.
- Ломоносов, М. В. (2007б) Записки по русской истории. М.
- Ойзерман, Т. И. (2006) К вопросу о происхождении ленинизма // Ойзерман Т. И. Проблемы: социально-политические и философские очерки. М., С. 31–54.
- Ракитов, А. И. (1982) Историческое познание: Системно-гносеологический подход. М.
- Рыбаков, С. В. (2007) В. Н. Татищев в зеркале русской историографии // Вопросы истории. № 4.
- Семенов, Ю. И. (2003) Философия истории (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). М.
- Соловьев, С. М. (1998) Взгляд на историю установления государственного порядка в России до Петра Великого // Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 15. Работы разных лет. М., С. 316–356.
- Соловьев, С. М. (1993) История России с древнейших времен // Соловьев С. М. Сочинения. В 18 кн. Кн. 1. Т. 1. М.
- Соловьев, С. М. (1997а) История России с древнейших времен // Соловьев С. М. Сочинения. Кн. VII. Т. 13. М.
- Соловьев, С. М. (1997б) История России с древнейших времен // Соловьев С. М. Сочинения. Кн. VII. Т. 14. М.
- Соловьев, С. М. (1999а) Начала русской земли // Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 17. Работы разных лет. М., С. 542–573.
- Соловьев, С. М. (1999б) Публичные чтения о Петре Великом // Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 18. Работы разных лет. М., С. 6–162.
- Струве, П. Б. (1952) Социальная и экономическая история России с древнейших времен до нашего времени, в связи с развитием русской культуры и ростом российской государственности. Париж.
- Татищев, В. Н. (1979) Избранные произведения. Л.
- Татищев, В. Н. (2003) История Российская. М., Т. 1.
- Февр, Л. (1991) Бои за историю. М.
- Черепнин, Л. В. (1984) Отечественные историки XVIII–XX вв. М.

Новые книги

Романюк, Л. В. Гуманистические традиции отечественной педагогики второй половины XIX — начала XX вв. : монография [Текст] / Л. В. Романюк. — М. : Нац. ин-т бизнеса, 2008. — 203 с.

Вдовина, М. В. Регулирование межпоколенческого конфликта в российской семье : монография [Текст] / М. В. Вдовина. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2009. — 244 с.

Гуревич, П. С. Психология личности : учеб. пособие для студентов вузов [Текст] / П. С. Гуревич. — М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2009. — 559 с.